

УДК 81'22:008:39

КОД: ПОНЯТИЕ И ЕГО ВАРИАНТЫ В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

А. А. Бувеч

аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета
Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, РБ
Научный руководитель: профессор В. А. Маслова

Статья посвящена таким ключевым понятиям семиотики и лингвокультурологии, как «код» и «код культуры». Даются определения кода и кодов культуры в таких гуманитарных дисциплинах, как семиотика, психолингвистика и когнитивная лингвистика, лингвистика текста, теория коммуникации, этнолингвистика и лингвокультурология; выделяются основные характеристики и виды кодов культуры.

Введение

Изучение специфики семиотических исследований убеждает в том, что именно инструментальное использование категории кода придает «семиотический» статус любой гуманитарной науке – семиотике, психологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике и др.

В лингвокультурологию понятие кода пришло из семиотики. В этой науке «код» представляет собой систему, которая включает структуру знаков и правила их функционирования. Структура, в свою очередь, представляет отношения между знаками [1].

В последнее время термин «код» оказался в центре изучения многих гуманитарных наук.

В русле структурной лингвистики и семиотики код относительно естественного языка определяется как

1) **система языка; совокупность знаковых единиц и правил их употребления** (И. В. Арнольд, Ф. де Соссюр, У. Эко, Р. О. Jakobson и др.).

2) В. А. Лазарев, Л. А. Шестак, У. Эко, Р. О. Jakobson трактуют код как **разновидность языка** и в соответствии с этим выделяют «коммуникативные» коды – код адресанта и код адресата; коды, отражающие социальную или территориальную неоднородность национального языка; «уровневые» коды – морфологический код, грамматический код, фонологический код;

3) Г. П. Мельников отождествляет код и **индивидуальный язык**: за счет громадного количества актов перекрестных общений коды (т. е. языки) всех членов коллектива становятся практически одинаковыми;

4) в работах У. Эко код представляет собой **правило**, определяющее формирование сообщения с помощью комбинации различных символов (сигналов, знаков).

Как видно из приведенных дефиниций, в лингвистике и семиотике код чаще всего отождествляется с языком, поскольку в терминах семиотики язык и код – это знаковые системы. Однако в современной лингвистике такое отождествление часто подвергается критике. Остановимся несколько подробнее на доводах Н. Лава, который утверждает, что язык не является кодом. Во-первых, как отмечает исследователь, языковой код является недостаточным для интерпретации текста, где необходимы фоновые знания и знания о различиях в кодах адресанта и адресата. Во-вторых, для преобразования информации из одной формы в другую требуется наличие невербальных форм мышления, то есть неязыкового кода. В-третьих, код несовместим с понятием языковой игры, а «пользование языком заключается в творческом наделении определенных феноменов семиотической значимостью в целях осуществления значимых операций над миром...» [2].

О необходимости разграничения терминов «код» и «язык» пишет и Ю. М. Лотман: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, то есть психологически ориентирует нас на искусственный язык, который предполагается идеальной моделью языка вообще. «Язык» же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [3, 15].

Однако, несмотря на неоднозначность определений, категория кода широко используется в таких направлениях, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др.

Цель данной статьи – выявить специфику основных дефиниций терминов «код» и «код культуры» в целом ряде гуманитарных дисциплин.

Для достижения поставленной цели в работе используются *методы* описания и систематизации теоретического материала.

Результаты исследования и их обсуждение

В **психолингвистике** и **когнитивной лингвистике** термин «код» рассматривается в тесной связи с проблемой соотношения мышления и языка. Впервые на существование в сознании человека двух отличных друг от друга, но взаимодействующих языков – языка мысли и языка вербального – указал Л. С. Выготский. Развивая идеи Л. С. Выготского, отечественный психолог Н. И. Жинкин предложил гипотезу существования в сознании человека универсально-предметного кода (УПК), составляющего базу мышления. По мнению ученого, этот код невербален и представляет собой набор образов, логических схем, двигательных-осознательных, обонятельных и т. п. впечатлов реальности в сознании. К языку как системе знаков УПК не имеет никакого отношения, он формируется в сознании каждого человека на отражательной основе, через органы чувственного восприятия. УПК – это такой динамический механизм, который обеспечивает семиотическое преобразование сенсорных сигналов в предметную структуру, то есть денотативное отражение действительности [4, 16]. При возникновении у субъекта необходимости выразить свою мысль в языковой форме УПК, через механизм так называемых кодовых переходов, перекодируется сначала в промежуточный код (внутреннюю речь, особый код, имеющий черты как универсального предметного кода, так и реальной речи), а затем промежуточный код перекодируется уже в громкую (внешнюю) речь, то есть в языковые знаки. При понимании речи происходит обратный процесс: речь перекодируется сначала в промежуточный код, а затем в УПК и попадает, таким образом, в долговременную память. Таким образом, для осуществления мышления необходим универсальный предметный код, но не лексика реального языка.

Опираясь на концепцию Н. И. Жинкина, современные когнитологи в качестве базовой (функциональной) единицы УПК рассматривают концепт (З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд), который кодируется эмоциональными состояниями, чувственными представлениями, образами, картинками, схемами. Язык, по мнению многих исследователей, является средством экспликации концепта, однако последний «всегда шире своей языковой репрезентации, в нем всегда есть когнитивные признаки, которые не нашли объективации в языке, но являются неотъемлемыми составными частями концепта».

В **лингвистике текста** на базе понимания текста как вторичной моделирующей системы и как единицы культуры, то есть системы знаков культурных смыслов, формируется более широкое понимание кода. Так, Р. Барт понимает код как «ассоциативные поля, сверткестовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре», а также «конкретную форму» «уже виденного, уже читанного, уже деланного, конституирующего всякое письмо» [5, 455–456]. В любом художественном произведении он выделял пять кодов (культурный, герменевтический, символический, семический и проайретический или нарративный), через которые идет возникновение смыслов текста. Любое повествование, по Барту, существует в переплетении этих кодов, их постоянной «перебивке» друг другом, что и порождает «читательское нетерпенье» в попытке постичь вечно ускользающие нюансы смысла.

Согласно взглядам Р. Барта, А. А. Брудный утверждает, что все сюжетно организованные тексты образуют смысловые системы [6, 176]. Эти системы следует понимать как совокупность смысловых полей, наличествующих в тексте. Смысл литературных текстов закодирован пятью способами (или кодами), которыми должен пользоваться читающий (декодирующий), чтобы постичь замысел автора:

- 1) код повествовательных действий, характеризующий последовательность действий;
- 2) семантический код, объединяющий все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются;

3) код культуры, включающий в себя все необходимые сведения о культуре (в широком смысле) данной эпохи, необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читателями;

4) герменевтический код, содержащий формулировку вопроса, который задается в повествовании, и формулировки возможных ответов;

5) символический код, создающий как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании [6, 165].

В **теории коммуникации** термин «код» тесно связан с понятиями «текст», «сообщение», «канал связи», «модель» и некоторыми другими, вместе составляющими категориальный аппарат данной области научного знания.

Традиционно за основу коммуникации принимается информационно-кодовая коммуникативная модель Р. О. Якобсона, где действуют: адресант (обладатель и отправитель информации); сообщение (информация); контекст (связан с содержанием сообщения, с информацией, им передаваемой); контакт («психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающая возможность установить и поддержать коммуникацию»); код (ряд фиксированных правил, с помощью которых выражается сообщение); адресат (получатель информации) [7].

Процесс коммуникации возможен лишь при наличии всех перечисленных компонентов. Однако успешному протеканию информации по каналу связи и ее эффективному получению в реальности могут препятствовать различные шумы, помехи, вследствие чего адресат может получать сообщение в искаженном виде либо не получить его вовсе.

Ю. М. Лотман считал слишком абстрактной модель коммуникации, предложенную Р. О. Якобсоном, подчеркивая, что в действительности у говорящего и слушающего не может быть абсолютно одинаковых кодов, как не может быть и одинакового объема памяти. При полном подобии говорящего и слушающего исчезает потребность в коммуникации вообще: им не о чем будет говорить. Единственное, что остается, – это передача команд. То есть для коммуникации изначально требуется неэквивалентность говорящего и слушающего [3, 15].

М. Л. Макаров также подвергает справедливой критике научную парадигму, в которой главным в коммуникации признается процесс передачи информации. Исследователь отмечает, что кодовая модель всё же не может адекватно описывать реальные процессы коммуникации на том или ином естественном языке: понимание предполагает нечто большее, чем только декодирование – именно интерпретацию высказывания.

В **этнолингвистике** и **лингвокультурологии** понятие кода тесно связано с культурой. Как отмечают многие лингвисты (М. Л. Ковшова, В. А. Маслова, В. Н. Телия, С. М. Толстая и др.), национальная «культурная» информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантической структуре слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе, поэтому «культурное явление, вербализуясь в языке, получает статус национально-культурного кода, только в этом случае, когда оно покидает рамки языковой или речевой действительности одного индивида и становится общенациональным достоянием» [8, 71]. Кроме того, современные исследователи обращают внимание на кодовую роль языка в формировании модели мира¹. Ряд ученых, в том числе Т. В. Цивьян и Г. А. Левинтон, указывают на двойной аспект языка в проекции на модель мира: 1) язык как метакод модели мира, *lingua franca* для всех прочих кодов; 2) язык как самостоятельный код модели мира, код особого рода, символический по преимуществу, которым может быть записана вся модель мира в полном объеме [9]. С этих позиций термин «код» может относиться к плану содержания (аграрный, космологический, пищевой и др.), к плану выражения (жестовый, словесный, музыкальный и др.) и трансформации эмпирической реальности в текстах (свадебный код в ритуалах календарного цикла, в сказках и в других фольклорных жанрах), то есть к форме плана содержания [9, 38]. Таким образом, те или иные образы и фрагменты мира, обладающие символическим значением, становятся основой различных кодов, которые в определенном смысле оказываются единичными по своему содержанию и описывают мир с позиции человека.

¹ Модель мира определяется как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте» [9, 5]

В связи с этим, в современных языковедческих исследованиях при изучении особенностей содержания культуры и ее отображения в языке используется система кодов культуры.

Одной из первых в отечественной лингвистике термином «коды культуры» стала оперировать С. М. Толстая при анализе славянских обрядов. В работах Н. И. Толстого, С. М. Толстой, Г. А. Левинтона и др. культурный код определяется как знаковая реализация архетипов сознания. При такой трактовке коды проявляются не только в языковых текстах (то есть на уровне языка), но и в других текстах культуры, которые представляют собой результаты различных форм человеческого поведения в социальных институтах, памятниках материальной культуры. Одним из важнейших свойств культурных кодов С. М. Толстая предлагает считать их вторичность: «элементы кода, имеющие свое определенное “докодовое” значение, вторично используются в коде для обозначения других объектов и сущностей» [10, 336]. Вторично используемые знаки имеют не только языковую природу, но и внеязыковую: это могут быть созданные человеком вещи (предметный код), действия (акциональный код), различные природные объекты (астральный, животный, растительный код) и др.

По мнению С. М. Толстой, Е. Л. Березович и ряда других исследователей в области этнолингвистики, коды могут быть разделены на два типа: *субстанциональные*, вычлененные на основании общности плана выражения – материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код (например, предметный код обряда); *концептуальные*, определенные на основании смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (растительный код, зоологический, кулинарный и т. п.) [11]. Особое место в этой классификации занимает вербальный (языковой) код. Он может быть как самостоятельным элементом системы культурных кодов (субстанциональным), так и ее метакодом (концептуальным), осуществляющим перевод других кодов в вербальные тексты.

В современной лингвокультурологии термин «код культуры» определяется по-разному. Например, М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков, В. Н. Телия отождествляют культурные коды с вторичными знаковыми системами: «культура в ракурсе данного исследования понимается как пространство культурных кодов – вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» [12].

М. В. Пименова считает, что «код культуры — это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством»; это также «таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» [13, 41].

В. В. Красных уподобляет код культуры «сетке», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» [14, 232].

Таким образом, код культуры понимается и как содержательная область культуры, ячеистая понятийная сетка, и как средства языка, вербализующие картину мира. В целом в рамках этнолингвистики и лингвокультурологии коды культуры рассматриваются через системную метафору, в которой «система мотивирующих единиц целиком переносится на другую область действительности и получает вторичную номинационную функцию» [11]. Этим, на наш взгляд, термин «код культуры» отличается от кода – базового понятия семиотики.

С учетом различных точек зрения на культурное кодирование, нам представляется наиболее точным определение культурного кода В. А. Масловой, которая, опираясь на концептуальную метафору «контейнера» Е. С. Кубряковой, понимает код как **глубинное культурное пространство, «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код**. То есть, коды могут включать в себя единицы, которые сами по себе не являются знаками культуры, но, будучи включены в ментальное пространство кода, становятся таковыми. Например, камень, лежащий на дороге, это просто природная сущность (первосущность, по Аристотелю), но если его перенести на могилу, он становится знаком культуры – памятником.

В качестве эмпирической базы реализации культурных кодов современные ученые выбирают различные по своему статусу языковые явления. Одни исследователи работают с диалектным материалом и текстами различных субкультур – профессиональные и фольклорные (Е. Л. Березович, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитина, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

и др.), другие используют данные литературного общенационального языка, художественных, религиозно-философских и богословских текстов (Н. Д. Аругюнова, М. А. Маслова, И. А. Стернин, В. Н. Телия, В. И. Постовалова и др.). По мнению В. Н. Телия, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, паремиях, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности, или вторичной семантикой: «Фразеологический состав языка является наиболее прозрачным для воплощаемых средствами языка концептов “языка” культуры, поскольку в образном основании фразеологизмов отображаются характерологические черты мировидения, рефлексивно соотносимые носителями языка с “этим” языком» [15, 9]. Поэтому разные коды культуры ученый рассматривает именно во фразеологизмах, определяя смысл их культурно-национальных коннотаций и воспроизводя, таким образом, характерологические черты народного менталитета.

Из вышесказанного становится ясно, что как количество культурных кодов, так и основополагающие критерии их выделения могут сильно варьироваться. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова выделяют вербальный, акциональный и реальный коды культуры. Отдавая приоритет вербальному, исследователи акцентируют свое внимание на реальном коде культуры, который, по их мнению, включает в себя природно-ландшафтный (лес, море, горы, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубаха, нитка, карман и т. д.), а также зооморфный, в какой-то степени соматический и ряд других кодов [16, 28–29]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова полагают, что в основе кода культуры лежит миф. Например, в основе зооморфного кода лежит «животный» миф, согласно которому мир животных тождествен миру людей, а те или иные качества животных являются воплощением человеческих качеств [16, 71].

В современном языкознании большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [17, 298]. Коды культуры, по мнению автора, соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, и по природе своей они универсальны и свойственны человеку как *homo sapiens*. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира), в результате чего возникает метафора или метонимия.

Несмотря на то, что данные подходы выполнены в разных системах координат (система культурных кодов Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой предполагает наличие глобальных сфер проявления кодирования, то есть кодирующих систем, элементы которых сами являются единицами кодирования, а классификация В. В. Красных основывается на социально значимых сферах человеческого духа), они только лишь дополняют друг друга и обобщают результаты лингвокультурологических исследований, выполненных в русле семиотического подхода.

Сказанное позволяет нам выделить духовный код, функционированию которого и будет посвящена наша работа. Под **духовным кодом** мы понимаем глубинное пространство, "контейнер" для хранения и выражения общенациональных духовно-нравственных законов, ценностей, взглядов и установок, которые выработались нацией в процессе ее формирования.

Выводы

Итак, национальная культура поддерживается постоянным функционированием различных кодов культуры как в духовных, так и в производственных практиках этноса. Каждый из них выступает одним из гарантов неуничтожимости ключевых культурных особенностей и одновременно отражает специфические признаки культуры. Однако проявление кодов, удельный вес того или иного кода в определенной культуре, а также знаки, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной традицией.

Литература

1. Семиотика // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SEMIOTIKA.html?page=0,0. – Дата доступа : 09.03.2014.
2. Лав, Н. Когниция и языковой миф / Н. Лав // *Studia Lingüistica Cognitiva*. – Вып. 1 : Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 105–134.

3. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб., 2000. – С. 12–149.
4. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 162 с.
5. Барт, Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 424–461.
6. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А. А. Брудный. – М., 1998. – 336 с.
7. Якобсон, Р. О. Речевая коммуникация: Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 45–87.
8. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук / Ф. Н. Гукетлова. – М., 2009. – 431 с.
9. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян ; Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1990. – 207 с.
10. Толстая, С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2008. – 528 с.
11. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов / С. М. Толстая // Славянская этнолингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ethnolinguistica-slavica.org>. Дата доступа : 09.03.2014.
12. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60–65.
13. Пименова, М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе / М. В. Пименова // Ментальность и язык : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – 236 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 7). – С. 16–61.
14. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
15. Телия, В. Н. От редактора / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 8–10.
16. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007.
17. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

Summary

The article is devoted to such key concepts of semiotics and linguistics as "code" and "code of culture". The author gives the definitions of code and codes of culture in such scientific studies as semiotics, psycholinguistics, cognitive linguistics, text linguistics, communication theory, cultural linguistics and ethnolinguistics. The main characteristics and types of cultural codes are specified.

Поступила в редакцию 22.04.14